

Иваненко Галина Сергеевна

**НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА**

В статье в аспекте законодательных актов об экстремизме рассматривается направленность коммуникативного воздействия текста, обозначенная номинациями "ненависть", "вражда", "рознь". Определяются различия между обозначенными психолого-коммуникативными эффектами и общее: формирование у реципиента агрессии. На примере конкретных текстов показано, какие условия способствуют реализации стратегии дискредитации экстремистского текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-68. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 417

Филологические науки

В статье в аспекте законодательных актов об экстремизме рассматривается направленность коммуникативного воздействия текста, обозначенная номинациями «ненависть», «вражда», «рознь». Определяются различия между обозначенными психолого-коммуникативными эффектами и общее: формирование у реципиента агрессии. На примере конкретных текстов показано, какие условия способствуют реализации стратегии дискредитации экстремистского текста.

Ключевые слова и фразы: лингвистическая экспертиза; текст; экстремизм; коммуникативное воздействие; вражда; ненависть; рознь; агрессия.

Иваненко Галина Сергеевна, к. филол. н., доц.
Челябинский государственный педагогический университет
gala.april@mail.ru

НАПРАВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА ©

Вопросы о способах и средствах лингвистического описания текста, рассматриваемого на предмет выражения экстремистской идеологии, являются на настоящий момент в лингвоэкспертологии полем горячих дискуссий [3; 5; 6; 8]. Так, одни авторы выявляют семиотические признаки текста экстремистского характера [2; 7], другие считают сам поиск лингвистических критериев юридического понятия выходом за пределы профессиональной компетенции [5; 6]. Предложения методики выявления коммуникативного намерения [11] противостоят представлению о несоответствии лингвистического содержания текстовых категорий психологической природе мотивов и целеполаганий [5; 6]. Подобные дискуссии обусловлены, с одной стороны, стремлением лингвоэкспертного сообщества выявить методологические и методические основы судебных лингвистических исследований по делам об экстремизме, с другой стороны, осознанием необходимости ограничения пределов предметной компетенции.

Предметом рассмотрения в настоящем материале является один из аспектов судебного экспертного анализа текста на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству – направленность речевого воздействия как один из критериев стратегии дискредитации.

Стратегия дискредитации в данном случае не отождествляется с истинными мотивами и целями автора текста, обусловленными его идейными и нравственно-этическими установками, получающими в юриспруденции квалификацию «умысел». Под стратегией понимается логика построения текста, структура организации текстового материала, принципы отбора и сочетаемости языковых средств, анализ которых позволяет лингвистическими методами выявить содержание речевого произведения.

Анализ конфликтных текстов, рассматриваемых на предмет соответствия законодательству об экстремизме, лингвистических исследований этих текстов, в том числе содержащих различные интерпретации и выводы, а также участие в судебных разбирательствах по делам указанного типа привело к выделению ряда аспектов, концептуально значимых при выяснении вопроса о наличии/отсутствии в тексте стратегии дискредитации в аспекте юридизации. Один из этих аспектов – направленность речевого воздействия. В силу необходимости решения судебным исследованием конкретных вопросов, обусловленных диспозициями правовых норм и потребностью участников судебного процесса в разъяснении соотношения речевого содержания текста с содержанием понятий юридической квалификации, такой анализ не может быть свободен от ориентации на «болевые точки» законодательных определений.

Из законодательных определений экстремизма [11; 12; 15] следует, что стратегия дискредитации в аспекте закона об экстремизме предполагает определенную **направленность** речевого воздействия: возбуждение **ненависти, вражды** к человеку или группе лиц по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной **розни**. Коммуникативный эффект экстремистских текстов обозначен в законодательных актах номинациями **вражда, ненависть, рознь**. Для определения участниками судебного разбирательства соотношения прагматической направленности текста с запретительной нормой закона лингвисту адресуются вопросы: к чему текст призывает, побуждает? что пропагандирует? на возбуждение каких чувств направлен?

При осуществлении анализа и характеристике отдельных языковых единиц и текстов в целом, с точки зрения оказания на читателя коммуникативного эффекта, в аспекте законодательства об экстремизме важно максимально точно определять сущность результатов этого воздействия и отграничивать от близких, смежных, но не тождественных понятий.

Анализ значений слова **рознь** по словарям показал отсутствие противоречий и трактовку его через понятие **вражда**:

РОЗНЬ 1. Вражда, распря. *Сословная рознь.* — *Хуже этого не может быть, как рознь и свара в своей семье. Мамин-Сибиряк, Ночь. Алеша сказал о том, что злостные шептуньи стараются посеять рознь*

между рабочими и крестьянами. Фадеев, Последний из Удэге. 2. в знач. сказ., кому-чему. О различии, разнице между кем-, чем-л. [Аммос Федорович:] *Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело. Гоголь, Ревизор. [Ребята] уже знали, что глина глине рознь. Есть глины тощие, есть жирные. Гайдар, Дальние страны* [8].

Ненависть - чувство сильнейшей вражды, неприязни [4, с. 628].

Вражда - недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия [Там же, с. 156].

В языковой системе слова *рознь, ненависть и вражда* являются синонимами. Как и любые другие синонимы, они имеют семантические различия.

Ненависть - чувство, то есть исключительно внутренняя эмоция.

Вражда – отношение, которое имеет внешние проявления.

Рознь – состояние, притом состояние не внутреннее, а внешнее, поскольку это наименование состояния, характеризующего взаимоотношения двух субъектов.

В законодательстве об экстремизме лексемы *ненависть* и *вражда* используются как синонимичные, а понятие *рознь* используется в других контекстах и, соответственно, лингвистическая квалификация «возбуждения розни» соотносится с иными правовыми квалификациями.

Для состояния «рознь» характерно наличие враждебного отношения с двух сторон, притом отношение это имеет внешние проявления, иначе оно не может быть охарактеризовано как таковое. Ненависть испытывает кто-либо по отношению к кому-либо, вражду выражает кто-либо по отношению к кому-либо, рознь проявляется между кем-то и кем-то.

Все три эффекта речевого воздействия: *ненависть, вражда, рознь* – при всех различиях объединены психологической и коммуникативной характеристикой **агрессия**. Возбуждение розни между группами лиц, ненависти или вражды по отношению к группе лиц предполагает речевое прагматическое воздействие, в результате которого реципиентам внушают мысль об их противопоставленности кому- или чему-либо, антагонистичности интересов, при этом используются стилистические средства воздействия на читателя, формирующие агрессию на эмоциональном уровне.

Анализ конфликтных текстов показал, что такой коммуникативный эффект речевого воздействия, как возбуждение агрессии к лицам или группам лиц по принципу социальной, расовой, национальной или религиозной принадлежности, предполагает комплекс текстовых признаков:

во-первых, какое-либо обозначение этой группы в тексте (евреи, мусульмане, негры, православные, католики);

во-вторых, соотнесение с этой группой негатива, притом негатива не частного (конкретная ситуация, случай), а обобщенного, предполагающего стойкую связь группы лиц с негативными действиями или признаками;

в-третьих, выражение негатива не в рациональной форме, которая называется критикой (высказывания в прессе о стрельбе в Москве на чеченской свадьбе), а в немотивированно экспрессивной;

в-четвертых, соотнесение негатива с обобщенным и целостным образом группы, а не с отдельными ее представителями.

Для возбуждения агрессии по отношению к группе людей, объединенных по национальному, социальному или религиозному признаку, очень важен признак обобщенности, притом в различных аспектах. Рассказ о совершении преступления представителем какой-либо национальности: *16 ноября завершено расследование уголовного дела в отношении 28-летнего жителя Республики Узбекистан Жумаева Обида, который убил престарелую женщину и изнасиловал 12-летнюю девочку* [13] – может вызвать у конкретного читателя негативные чувства ко всем представителям нации, но это индивидуальное психическое проявление нельзя считать запрограммированным текстом. Хотя и относительно приведенного случая возникает вопрос: всегда ли сообщение о преступлении сопровождается названием национальности преступника и не отражает ли такое или иное представление информации отношение автора к представителям различных национальностей? И все же обобщение как реализация жесткой взаимосвязи *«преступники – представители такой-то национальности»* в приведенном примере отсутствует. Другое дело, если в структуре текста использованная модель *узбек – убийца* повторится неоднократно. В таком случае реализуется общеметодологический принцип перехода количества в качество.

Примером реализации приема *повторяющейся модели как средства типизации* стала листовка, содержащая констативные сообщения о преступлениях, совершенных мигрантами в России. Назывались фамилии преступников, жертв, краткое описание места, времени, характера преступления. Страница негативной информации, ключевой семантической моделью которой являлась предикативная основа: слово, обозначающее национальность (таджик, узбек) + наименование преступления, неизбежно формировало оценочные установки реципиента.

Если группа лиц представлена как стойкое объединение, связанное общими константными признаками, и признаки эти негативны, текст ориентирован на формирование активной ненависти ко всей группе и, как следствие, к каждому ее представителю. Такой прием можно назвать *проецирующим обобщением*: *Черные заполонили город, скоро тебе в нем не будет места* [9]. Антитеза *черные – ты*, демонстрация столкновения интересов и неразрешимости противоречий выводят негатив в сферу перверсии и реализации стратегии дискредитации.

Частный случай при таком подходе возводится в ранг показательного и представляется как типовой (можно говорить о стилистическом приеме *синекдохи*): *Пока ты сидишь у телевизора, хачик насилует твою девушку* [Там же].

В данном примере плакат, размещенный на прохожей части, обращен к каждому, и поэтому *ты* читается как *вы все*, в равной мере как и вся ситуация представлена в данном дискурсе как типовая. Соответственно, нравственные свойства одного «хачика» проецируются на всех его соплеменников и фиксируются как характерные, а поступок – как типичный для представителей названного национального объединения.

Обобщенность не только группы лиц по какому-либо признаку, но и выражаемого негатива также играет важную роль при определении направленности текста на коммуникативный эффект «агрессия». Активное неприятие целой группы людей может сформироваться только при условии приписывания им крайне отрицательных свойств и качеств и регулярных вредоносных действий по отношению к другой (другим) группе лиц: *Черные занимают твое рабочее место, твой дом и двор, улицу, город, отнимают твою девушку* [Там же].

Напротив, конкретность негативной информации препятствует ее восприятию как типичной, следовательно, не способствует созданию обобщенного образа группы и обобщенного представления о тотальном негативе, связанном с этой группой у представителей иных сообществ. Сравните два текста:

А) *«Здравствуйте! В России ментов, современных военных награждают орденами и медалями за убийства издевательств над своим народом... А у простых людей не осталось другого выхода, как обратиться за помощью к Дьяволу, потому что Бог защищает интересы поганых ментов, убийц, насильников. ЧИНГИЗ Город Челябинск, улица Лермонтова, д. 4, кв. 57, тел. /351/779-49-59»* [10].

Б) *«Нам пишут на почту партии: «С весны идет бешеный набор в ФСБ. Медосмотр проходят в основном деревенские парни. В деревне нет работы». В феврале 2010 года интернет «гудел», обсуждая письмо Медведеву от московских ОМОНовцев. Они написали президенту, что в московский ОМОН набирают только иногородних, так как москвичи задают слишком много вопросов. Начальство сделало из их силового подразделения настоящую коммерческую структуру по зарабатыванию денег. Бойцы подразделения ОМОН заняты на охране коттеджей на Рублевке, офиса грузинского вора в законе на Арбате и т.д. Основной же задачей батальона остается разгон протестных акций»* [8].

Оба текста выражают негативное отношение к сотрудникам правоохранительной системы. Но в первом тексте (А) обвинения обобщены, а направление намерений конкретно: указанный адрес и телефон призваны объединить сообщников, которые принимают агрессивную направленность текста.

Во втором тексте (Б) сообщается о конкретной ситуации, конкретных действиях, но не предлагаются никакие конкретные действия. Оба текста рассматривались в суде на предмет возбуждения ненависти и вражды по отношению к социальной группе работников силовых структур. Как представляется, в первом реализуется стратегия дискредитации в аспекте законодательства об экстремизме, а во втором – нет. Первый текст содержит речевую агрессию, в отличие от второго, выражающего критическое отношение к объекту описания. Именно отсутствие обобщенного негативного образа группы лиц и обобщенного связанного с этим образом негатива во втором тексте, в отличие от первого, препятствует реализации коммуникативного эффекта агрессии, воплощенного в «возбуждении ненависти и вражды, розни».

Таким образом, направленность коммуникативного воздействия в аспекте закона об экстремизме, обозначенная номинациями *ненависть, вражда, рознь*, определяется нацеленностью текста на формирование психологического и коммуникативного эффекта агрессии, для реализации которого, в свою очередь, необходим ряд условий, центральным из которых является обобщение как образа группы, так и связанного с ней негатива, воплощенное в приемах: повторение модели как средство типизации, проецирующее обобщение, синекдоха.

Список литературы

1. Адвокатский запрос партии «Воля» на проведение лингвистического исследования по материалам доследственной проверки. Самара, 2012. 24 октября.
2. Ахунзянова Ф. Т. Экспертиза конфликтного исламского текста [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика». URL: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 21.12.2012).
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2003. 1536 с.
5. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юрико-лингвистическая». URL: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 21.12.2012).
6. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2009. № 7 (41). С. 35-39.
7. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юрико-лингвистическая герменевтика». URL: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 21.12.2012).
8. Губаева Т. В. Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Института экономики, управления и права. Серия 2. Право. Казань, 2006. Вып. 7. С. 303-315.
9. Материалы уголовного дела № 490418, СУ СК при прокуратуре Челябинской области. Челябинск, 2008.
10. Материалы уголовного дела № 491161, СУ СК при прокуратуре Челябинской области. Челябинск, 2009.
11. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html> (дата обращения: 15.12.2012).
12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения: 12.01.2013).
13. Обзор этнопреступности [Электронный ресурс]. URL: <http://landsberg.org.ua/novini/428-obzor-etnoprestupnosti-v-rf-za-noyabr-2012-g.html> (дата обращения: 14.01.2013).

14. **Словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://mas-dict.narod.ru/mix/about.htm> (дата обращения: 19.01.2013).
15. **Уголовный кодекс РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukrfu.ru/code/10/282/> (дата обращения: 25.12.2013).
16. **Хазимуллина Е. Е.** Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Электронный ресурс] // Интернет-конференция «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика». URL: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 18.12.2012).

DIRECTEDNESS OF LINGUISTIC MANIPULATION: JUDICIAL SCRUTINY ASPECT OF EXTREMIST TEXT

Ivanenko Galina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chelyabinsk State Pedagogical University
gala.april@mail.ru

The author considers the directedness of text communicative manipulation denoted by the nominations “hatred”, “enmity”, “discord” in the aspect of legislative acts on extremism, determines the differences between the marked psychological-communicative effects and the common formation of recipient’s aggression, and by the example of specific texts shows which conditions favour the implementation of extremist text discrediting strategy.

Key words and phrases: linguistic expertise; text; extremism; communicative influence; enmity; hatred; discord; aggression.

УДК 81'32; 811.162.3

Филологические науки

Рассматривается феномен современного гуманитарно-научного знания в его отношении к знанию естественнонаучному. Филологическое знание может быть и естественнонаучным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой именно аспект языка/литературы изучается. Развитие корпусных технологий способствует смещению расположенного на оси «искусство» - «наука» массива филологических исследований в сторону «науки».

Ключевые слова и фразы: корпусная революция; гуманитарные науки; естественные науки; филология; лингвистика.

Изотов Андрей Иванович, д. филол. н., доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
a.i.izotov@mail.ru

КОРПУСНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ «ИСКУССТВА» К «НАУКЕ»©

По свидетельству ученика А. Н. Колмогорова А. Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А. Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественнонаучным и гуманитарно-научным знаниями. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математические науки), а об уникальности/неуникальности объекта исследования.

Естествоиспытатель имеет дело в основном с неуникальными объектами исследования. Знание, установленное в результате естественнонаучного эксперимента, в силу этого **верифицируемо**. Работа с результатами верифицируемого эксперимента - суть естественнонаучного исследования.

Гуманитарий же занимается, как правило, тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что татаро-монголы, разбив в Силезии объединенное войско Великой и Малой Польши, Тевтонского ордена, Тамплиеров, Госпитальеров, а также добровольцев со всей Центральной Европы, опустошив Моравию, Словакию, Венгрию, Хорватию и дойдя в 1242 году до берегов Адриатики, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшему поход Батыю надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была якобы бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам), или же потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (как учили в школе автора настоящих строк). Анализ результатов верифицируемого эксперимента гуманитарию заменяет критика источников, ср.: [24, с. 42].